

Л. ЛЕОНАРДО ДА Винчи

Елена Фёдорова

Загадки Фауста

мистерия Леонардо

Елена Фёдорова
Загадки Фауста.
Мистерия Леонардо

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19488496
ISBN 9785448303616*

Аннотация

Леонардо да Винчи – загадочная, фантастическая личность, разгадать феномен которой нам не под силу. Его называли итальянским Фаустом, колдуном, художником, мастером. Люди, жившие рядом с Леонардо, его боялись. А он всю свою жизнь пытался ответить на главный вопрос, объясняющий смысл человеческого бытия. Жизненный путь Леонардо не был долгим, но все, что он сделал за это время, невозможно пересказать... Сможем ли мы разгадать загадки Фауста?

Содержание

Мистерия Леонардо да Винчи	8
Франческа	9
Конец ознакомительного фрагмента.	53

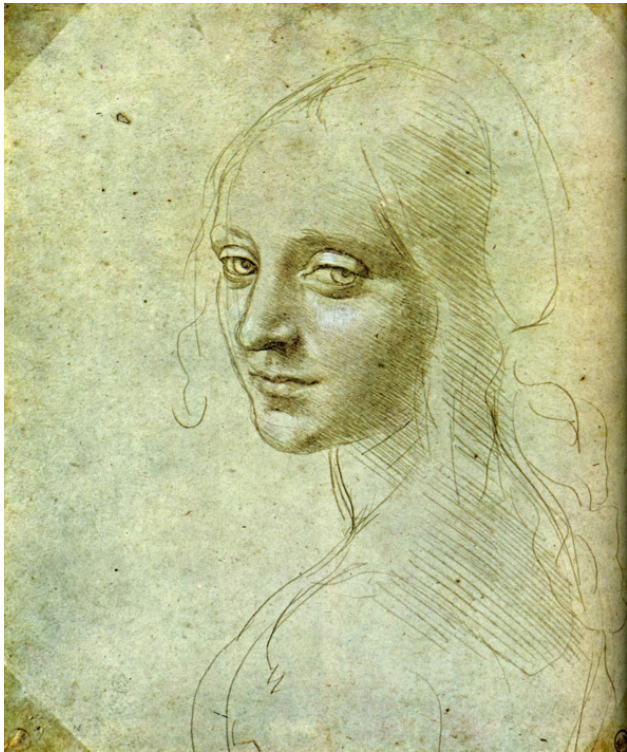
Загадки Фауста Мистерия Леонардо

Елена Фёдорова

© Елена Фёдорова, 2018

ISBN 978-5-4483-0361-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Фёдорова – поэт, писатель, член Союза писателей России и Союза писателей XXI века, Почетный работник Культуры города Лобня, автор более 200 песен для детей и взрослых, сорока книги на русском и трёх на английском языках.

Финалист Национальных Литературных премий «Писатель года 2014» и «Дама Фантастики 2017», включена в список сто лучших писателей.

У неё много званий и регалий. Но главное, что она заслуживает высших наград не только как писатель, поэт, актриса, но и как истинно высокочеловечная и духовная личность. Начиналась жизнь Лены с Неба. Она долгое время бороздила небесные просторы международных авиалиний Аэрофлота в качестве стюардессы. Кто знает может именно там с ней стали вплотную контактировать Небесные Силы, чтобы подарить землянам такую неординарную творческую личность как Елена Фёдорова.

*Инна Богачинская – поэт,
Член Союза писателей России.*

Авторский сайт: <http://efedorova.ru>

Мистерия Леонардо да Винчи

Франческа

Слова, как мячики бросаем.

Исход игры определен...

Тот ничего не понимает,

Кто не любил, кто не влюблен...

Она смотрела мимо него. Так было проще. А он строго выговаривал ей. Он учил ее, вдавливал прописные истины, геройствовал, гордился своим снобизмом, своим превосходством.

Она – всего лишь маленькая, беззащитная женщина, сделанная из его ребра. Сделанная для того, чтобы ему, мужчине, было хорошо.

Вспомнилось, что мужчина по-турецки – Адам. И подумалось, что так и есть. Он – Адам, а она...

Она – его женщина, поэтому он учит ее, гвоздит своими упреками, а она молчит. И правильно делает. Она не имеет права говорить до тех пор, пока он ей этого не позволит.

Он снисходительно ухмыляется, спрашивает:

– Ясно?

– Да... Но мне показалось, что...

– Тебе это показалось, – взрывается он.

– Прости...

Она опускает голову. Она больше ничего не слышит,

не слушает. Зачем? Все сказано и пересказано тысячу раз. Все давно превратилось в бездну упреков, из которой ей никак не выбраться. Ей этого сделать не позволят. Она не имеет права ни на что, кроме права быть женщиной, созданной из его ребра. Из его ли? Кто проверял? Кто может с уверенностью сказать, что это так?

А вдруг это – всего лишь вымысел? И нет между ними никаких точек соприкосновения, нет ничего общего, поэтому так больно ранят душу его незаслуженные упреки. Но что делать? Где тот настоящий, тот единственный, который разглядит в ней человека, оценит ее преданность, ее искренность и захочет защищать ее от огненных стрел ненависти?

– Ты не слушаешь меня, – его голос врывается ураганом в ее раздумья. Его крепкая рука ложится на ее плечо...

– Я слушаю, – она поднимает голову.

– Не ври. Я читаю тебя, как книгу, в которой только одна страница со словами: я – лгунья! – он больно сдавил ее плечо. Она вскрикнула. Он усмехнулся. – Я так и знал. Ладно... Закончим на сегодня. Я устал от твоей лжи...

Он ушел в спальню, а она осталась. Сидела у окна, смотрела на темное бездонное небо, тонула в этой темной бездонности и не хотела ничего делать, чтобы спастись...

– Сударыня, дайте мне руку, я помогу вам перейти через реку, – незнакомый голос ее напугал.

– О какой реке он говорит? – подумала она и только потом

увидела пологий берег, поросший плакучими ивами.

Незнакомец стоит по колени в воде. Рядом с ним шаткий веревочный мостик, по нему без чужой помощи явно не пройти.

– Дайте мне руку, сударыня, я помогу вам перейти на другой берег, – говорит он.

Она растерянно смотрит на него и не двигается с места. Он высок, хорошо сложен, красив. Большие серые глаза, тонкие губы, прямой нос, аккуратная бородка, приятная улыбка.

– Мне не нужно никуда идти, – говорит она, хмурясь.

– Вам нужно на тот берег, сударыня. Доверьтесь мне. Ну же, дайте мне вашу руку, – он делает шаг.

Она все еще медлит. Она смотрит на его странный наряд и силится понять, как попала сюда. Но мысли дробятся, рассыпаются и уплывают вниз по течению реки, в которой стоит незнакомец. Она уже придумала ему имя – король Дроздобород. Он и одет соответственно: черные смешные штанишки, рубаха с широкими рукавами, рюшами и манжетами. Поверх рубахи – черная бархатная безрукавка, расшитая золотым орнаментом в виде дубовых листьев и желудей. Три желудя символизируют власть, верность и величие. На поясе у короля ножны.

– Зачем вам оружие? – в ее голосе звучит недоумение.

– А вам оно зачем? – отвечает он вопросом на вопрос.

Она смотрит на себя и понимает, что одета так же, как

он. И рубаха с рюшами, и смешные чуть выше щиколоток штанишки, и безрукавка с золотым вензелем, и маленькие позолоченные ножны.

– Женское оружие – острейший клинок, – думает она, машинально прижав к нему руку. Неожиданно приходит осознание того, что она много раз вот так прижимала руку к ножнам, потому что клинок – это ее защита. Но от кого? Мысли снова дробятся и уплывают, не дав ей ответа.

– Скорее, сударыня, – торопит ее король.

Она протягивает ему руку, ступает на шаткий мостик.

– Смелее, сударыня, – подбадривает ее король. – Смотрите на ивы, которые на том берегу полощут свои косы в воде и плачут о потерянном счастье. А мы с вами плакать не будем. Мы счастье свое не упустим, не потеряем. Мы его обретем и сохраним.

– Да, кто вы такой? – восклицает она, делает неверный шаг, оказывается в воде рядом с ним.

Они смотрят друг на друга и молчат. Она понимает, что готова простоять вот так целую вечность. Но ледяная вода сводит ноги. Она выскакивает на берег, сбрасывает маленькие бархатные черные туфли с золотыми пряжками и небольшими квадратными каблучками, усаживается на траву. Он садится рядом, выливает воду из своих туфель, которые отличаются от ее только размером.

– Кто вы? – еще раз спрашивает она, разглядывая его лицо.

– Король, – отвечает он.

– Тогда скажите, а кто я? – не сдается она.

Он долго пристально смотрит на нее и потом говорит:

– Вы – сударыня...

– Сплошные загадки, – она надевает туфли, встает. – Что дальше?

– Дальше – вечность... – отвечает он задумчиво. – Нам незачем спешить. Присядьте, просушите обувь...

Она сбрасывает туфли, садится рядом.

– Я люблю сидеть и смотреть на убегающую воду, – говорит он с улыбкой. – Смотрю и пытаюсь ее догнать, но никак не получается... не получается догнать вас, сударыня.

– А, зачем вам меня догонять, если мы рядом?

– Мы с вами далеки, сударыня... – он поворачивается, смотрит ей в глаза. – Наша близость, иллюзия. Я вас придумал, сочинил вас для себя. Мне хотелось, чтобы вы были такой... А вы не такая, вы – лучше... Вы – су-да-ры-ня, а я – король. Достаньте клинок из ножен, вонзите его мне в сердце, и... я исчезну навсегда, – распахнул рубаху.

Она смутилась, увидев его красивое загорелое тело.

– Ваши слова меня пугают, жальтесь надо мной, король. Не заставляйте меня совершать странные поступки, иначе я брошусь в воду...

– Хорошо, сударыня, хорошо. Я не буду больше просить вас о невозможном. Я лишь скажу о том, что вы в любой миг сможете разрушить иллюзию нашего счастья, восполь-

зовавшись своим клинком... – улыбнулся. – Клинок – это путь к вашей свободе. Им вы меня не убьете... Благодаря ему вы получите возможность вернуться туда, куда утекает вода... Да... Да... – и через вздох. – Я должен вам кое-что объяснить. Дав мне руку, вы позволили чуду совершиться. Спрыгнув в воду, вы переместились в иную реальность, попали в мой мир. Отказавшись меня убить, вы позволили мне стать реальным человеком в вашем мире... Вода, рука, клинок – вот три составляющие, которые помогут вам, сударыня, стать свободной...

– Свободной от чего?

– От счастья... – он обулся, встал, протянул ей руку. – Хотите посмотреть на мой мир?

– Нам вновь придется идти по воде? – спросила она, глядя на него снизу вверх.

– Нет. Нас ждет карета.

– Значит, надо обуваться... – она улыбнулась, надела туфли, протянула ему руку.

– Вы – бесстрашная женщина, сударыня, – он помог ей встать.

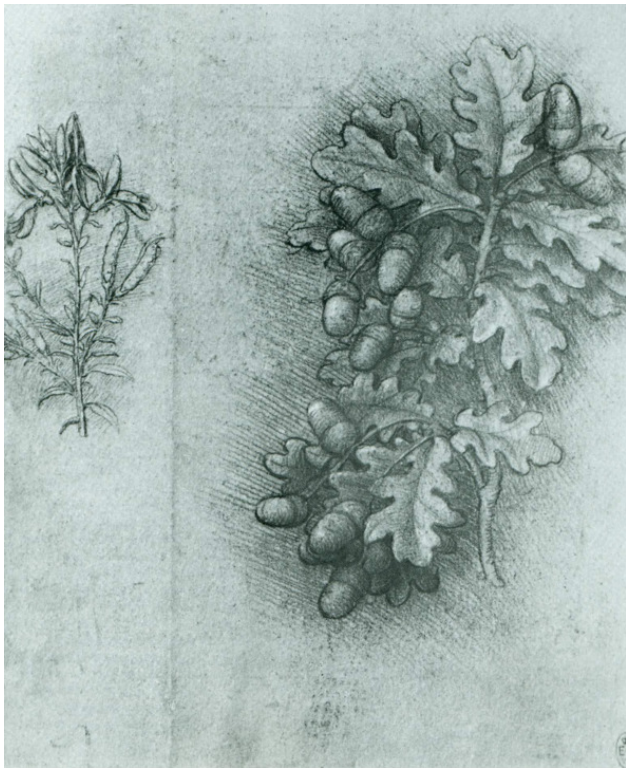
– Мое бесстрашие – иллюзия, блеф, – проговорила она, высвободив руку. – Я смущена, растеряна... Я не знаю, как себя вести с вами, король.

– Будьте собой, сударыня, – попросил он. – Ничего не придумывайте. Позвольте обстоятельствам управлять вами. Пусть счастье, подаренное нам, будет настоящим, несмотря

на всю иллюзорность окружающего нас мира. Не думайте ни о чем... просто примите все, как есть. Дышите, говорите, смейтесь, плачьте, любите. Но только не злитесь, не сердитесь, не огорчайтесь. Пусть все плохое унесет с собой река... Здесь, в моем королевстве, нет места негативным эмоциям и чувствам. Здесь царят свет, любовь и доброта... Три жемчужины на моем гербе символизируют это.

– А я подумала, что это – величие, власть и верность, – призналась она.

– Власть и верность – два несовместимые понятия, – он улыбнулся. – Оставим только верность, а все остальное пусть уносит река...

– Пусть уносит, – повторила она. – Ведите меня в свой мир, король.

– Делаю это с радостью, сударыня, – он раздвинул ивовые ветви, пропустил ее вперед, впустил в свою сказку...

– Это – мой сон, моя фантазия, – подумала она. – Я не хочу просыпаться. Пока не хочу. Хотя, я прекрасно понимаю,

что пробуждение обязательно наступит... Это произойдет, как всегда, в самый неподходящий момент. Иллюзия счастья не может быть долгой. Иллюзия не должна привязывать нас к себе, иначе мы не сможем пережить боль утраты. Разочарование страшная штука, особенно если до этого все было волшебством... Я постараюсь не обольщаться, постараюсь изо всех сил, – посмотрела на короля, взяла его под руку.

– Правильное решение, – он погладил ее руку. – Нам нужно быть рядом. Мы должны держаться за руки хотя бы первое время, пока вы, сударыня, не поймете, что...

– Что этот мир создан для меня, – подсказала она. – Ваша сказка для меня написана, да?

– Для вас, су-да-ры-ня...

Они сели в карету и поехали по ровной, как стрела дороге. С одной ее стороны цвели сады, с другой стояли осенние полуголые деревья.

– Весна или осень, лето или зима, радость или грусть, любовь или забвение, – вот то, что владеет нашими умами, нашими сердцами, – сказал король. – Сделайте свой выбор, сударыня. Карета может повернуть в любую сторону. Скажите, куда: направо, налево, прямо?

– Примите решение сами, вы же король, – сказала она. – Это – ваш мир, ваша сказка. Я доверяю вам.

Он улыбнулся, чуть склонил голову, повторил:

– Я доверяю вам... Невероятно... Не могу поверить в то, что вы сидите напротив реальная и такая родная, что я едва

сдерживаюсь, чтобы не расцеловать ваши руки, ваши пальчики, всю вас... – краска залила ее лицо. – Не бойтесь. Я не сделаю этого. Я специально это вам говорю, чтобы ничего себе не позволить. Пусть наши отношения будут целомудренными, высокими, сказочными. Мы выберем радость, весну, цветение. А то, что весна – пора любви, это не для нас. Верно?

– Наверно, – ответила она неуверенно.

Он рассмеялся звонко, беззаботно, как мальчишка. Его беззаботная радость передалась ей. Она улыбнулась кончиками губ. Он ее передразнил. И тут уж она не сдержалась. Смех зазвенел колокольчиком. Трудно было поверить, что это ее смех. Она не смеялась много лет. Ей было не над чем смеяться. Было смеяться незачем. Ей нужно было грустить и плакать, оправдывая свое прозвище «царевна Несмеяна». Но она была такой не по своей воле. Ей навязали этот образ, заставили в него войти и не позволяли вести себя по-другому. Обстоятельства всегда складывались так, что смеяться было нельзя. А король выпустил наружу ее смех, открыл чулан, в котором он прятался. Смех вырвался наружу беззаботным шалуном и не желал умолкать. Она почувствовала себя глупой малышкой, смеющейся над пустяками, и от этого ей стало еще смешнее.

– Здесь, в сказке, я могу быть какой угодно, – решила она. – Здесь, в иллюзорном мире, я, наконец-то, буду настоящей. Буду такой, какой всегда хотела быть. И король вер-

но угадал, назвав меня сударыней. Я – сударыня и есть. И, может быть, я стану для него го-сударыней. Хотя, величие – это вещь серьезная. Под ее тяжестью можно согнуться. А я этого не желаю...

Насмеявшись вдоволь, она спросила:

– Мы с вами едем в замок?

– Нет, – он улыбнулся. – Зачем нам замок, где все подчинено условностям? Давайте их отбросим. Я хочу, чтобы вы жили в маленьком милом домике с кружевным балконом, а я, как Ромео буду взбираться на него. Буду петь вам под балконом серенады. Буду воспевать вашу красоту, подыскивая новые сравнения, которых до меня еще никто вам, сударыня, не говорил, не пел, не... – он прикрыл глаза и негромко напел музыкальную фразу. Открыл глаза. – Вы слышали эту мелодию прежде?

– Нет.

– Вот и прекрасно. Нынче вечером я спою вам эту серенаду. Вы же не покинете меня, сударыня.

– Не покину... – и через паузу. – Пока, не покину. Мне все здесь нравится. К тому же, наша сказка только началась. И было бы глупо заканчивать ее сейчас, не узнав главного, не разгадав тайн и загадок, – улыбнулась. – Я знаю, знаю, что тайны могут оказаться не такими прекрасными, как нам бы хотелось. Порой мы придумываем себе нечто фантастическое, забыв о реальности, о законах бытия, о неизбежном противостоянии добра и зла, о законе равновесия, который

невозможно нарушить. Но это не значит, что мы должны отказываться от радости, счастья и любви. Всему свое время. И не стоит тратить его на грусть, уныние, ненависть.

– «Пусть радость будет совершенной!» – вот принцип, которому я следую, – сказал король. – Хорошо, что мы испытываем одинаковые чувства и понимаем друг друга.

– Осмелюсь напомнить, что я – ваша фантазия, поэтому другой мне сложно быть.

– Вы – моя фантазия, ставшая реальностью, поэтому вы вправе быть собой, – сказал он. – Я буду рад нашим несоответствиям. Согласитесь, видеть покорность и получать все, что тебе захочется, скучно. Противоборство, противостояние заставляют нас двигаться вперед, добиваться своего, ставить новые цели, мечтать, бороться за свое счастье, за свою любовь.

– Да-да, все так, – она повернулась к окну. Там, на левой стороне дороги, деревья роняли золотые листья и перешептывались о неизбежной поре увядания.

– Не грустите, сударыня, – попросил король. – Не смотрите на осень. Еще не время для нее, не время...

– А в вашей сказке тоже есть времена года? – она повернула голову, посмотрела на короля.

– В нашей с вами сказке, сударыня, есть все, что нужно, все, что должно быть, – ответил он, сделав ударение на слово «нашей».

– Прекрасно, значит, мы сможем пройти через всё и по-

нять, зачем нам с вами подарили эту встречу. Зачем для нас создали эту реальность, эту иллюзию, основанную на единении наших душ, – улыбнулась. – Хотя, единение, единство может оказаться такой же иллюзией, как все, что окружает нас.

– Может, – подтвердил он. – Но у меня есть другое предположение... – выдержал паузу. – Наше единение станет таким сильным, что вы не захотите покидать свой маленький домик с кружевным балконом и...

– На все воля Божья. Не стоит ничего придумывать. Нужно просто идти вперед, доверив свою судьбу Богу. Он все знает. Он поможет пройти через все испытания, устоять перед всеми искушениями...

– Не бойтесь меня, сударыня. Я дал вам слово и сдержу его. Я не хочу потерять вас. Не желаю... – улыбнулся. – Время покажет, насколько одинаковы наши желания. Вы свободны, сударыня. Вы – вольная птица, белая голубка, прилетевшая на мое окно...

Карета остановилась. Слуга открыл дверцу. Король вышел первым, протянул ей руку со словами:

– Добро пожаловать в весну, сударыня. Это ваш дом, а мой чуть дальше, за горой... Отдыхайте. Увидимся позже...

Он сел в карету и уехал. Она посмотрела на кукольный домик, улыбнулась:

– Мечты сбываются. Несколько лет назад, гуляя по паркам Версаля, я сказала, что хотела бы пожить в доме Марии

Антуанетты. И вот, пожалуйста. Передо мной точная копия деревенской обители императрицы. Один шаг отделяет меня от заветной мечты, но я боюсь новых совпадений... Когда-то меня уже предупреждали о том, что с мечтами нужно быть весьма осторожной, потому что они имеют обыкновение сбываться. И сбываются они не тогда, когда хотят люди, а когда приходит их время. Растяжимое понятие – их время, вдруг обрело реальность. Настала пора для исполнения заветных желаний. Хочу ли я, чтобы все мечты сбылись? И да, и нет... Мысль о том, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой, вызывает тревогу. За полосой безмерного счастья последует полоса безмерных испытаний... Хотя, безмерность испытаний весьма условна. Их всегда ровно столько, сколько мы сможем поднять, чтобы не сломаться...

– Принимаю ровно столько, сколько смогу, – сказала она, сделав шаг. В тот же миг пришла спасительная мысль, что в домик Антуанетты в малом Трианоне никого не пускают, поэтому она не может ничего знать, о его внутреннем убранстве. Значит, все, что она сейчас увидит, станет для нее полной неожиданностью. Полнейшей...

Она рассмеялась, распахнула дверь со словами:

– Меня зовут Франческа. Добрый день! – и, не услышав в ответ ни слова, продолжила игру. – Я рада нашему знакомству. У вас здесь хорошо. Все выдержано в деревенском королевском стиле. Изящно без помпезности. Мне нравится. Мне все-все здесь нравится.

Она прошлась по дому, дотронулась до каждой вещички, желая передать ей свое тепло. Потом отправилась гулять по саду. Присела на белой скамеечке, спрятанной в кустах сирени, подставила лицо солнцу, зажмурилась. Подумала о том, что здесь среди цветов, бабочек и стрекоз она не чувствует себя одинокой. Ей хорошо настолько, что невозможно скрывать радость, рвущуюся наружу. Да и незачем это делать. Нужно принять все, что тебе дают. Потому что дают ровно столько, сколько ты сможешь принять...

– Позвольте нарушить ваше уединение, сударыня, – прозвучал негромкий голос короля.

Она открыла глаза, увидела его темный силуэт в сияющем солнечном ореоле, услышала голос:

– Меня зовут Себастьян.

– А меня – Франческа, – сказала она, протянув ему руку.

Он прикоснулся к ней губами, задержал ее в своей руке ровно столько, сколько требует этикет. Но этого оказалось достаточно, чтобы ошеломить ее.

– Касанье губ твоих похоже на затмение...

Не чувствую, не вижу, не дышу...

Касанье губ твоих, к руке прикосновение...

Я смущена, я слов не нахожу... – то ли подумала, то ли прошептала она.

– Позвольте пригласить вас на ужин, сударыня, – сказал король.

– Разве уже вечер? – в ее голосе удивление.

– Уже время для того, чтобы зажечь свечи, – отвечает он. – Идемте, нас ждут в беседке у пруда, – взял ее под локоток. – Сюда, сударыня Франческа...

Она идет рядом с ним. Не идет, летит. Она – бабочка, стрекоза, пчелка. И от этого ей хорошо. Хорошо...

В беседке накрыт стол. Мерцают свечи. Звучит убаюкивающая нежная музыка. Она понимает, что погружается в сон. Знает, что спать за столом нельзя, но никак не может разлепить веки. Сквозь сон и музыку она слышит голос короля:

– Все хорошо, Франческа. Вам нечего бояться. Я слишком долго шел вам на встречу... Я слишком вас люблю, чтобы потерять из-за неверного слова, жеста, взгляда... Я говорю вам это потому, что вы спите... Вас убаюкала моя любовь. Это хорошо, хорошо, хорошо... Я хочу, чтобы вы остались в моем мире... Я желаю этого всем сердцем... Но... Я не посмею вас просить об этом... Вы сами должны принять решение... Принять единственное, верное решение, которое станет главным для вас и меня, Франческа...

Звонок будильника резкий, надрывный, неуместный напугал Франческу. Она вскочила с кровати и замерла... Реальность обрела четкие границы. Франческа поняла, что находится в своем доме. За окном чуть брезжит рассвет. Она посмотрела на спящего супруга, потерла лоб.

– Зачем я так рано встала? Зачем... Ах, да, Себастьяну нужно на работу... Кому? – холодный пот выступил на лбу. –

Что со мной? Откуда взялось это имя? Я его прежде никогда не знала, никогда не слышала. Имя моего мужа Доменик, Доменик Шелли.

Она нагнулась над спящим, поцеловала его в щеку, пропела:

– Доброе утро, милый! Пора вставать...

– Опять ты будишь меня на самом интересном месте, – пробубнил Доменик. – Я гулял в садах Семирамиды, а ты...

– А я в садах короля Себастьяна, – выпалила она.

– Что-о-о? – Доменик взорвался. – Могла бы с утра не портить мне настроение своим враньем...

Он ушел в ванну, а она на кухню, готовить ему завтрак. Он, как обчно, выпил кофе, уткнувшись в газету. Перед уходом поцеловал ее в щеку вскользь и пробубнил:

– Буду поздно... – хлопнул дверью.

Франческа вымыла посуду, встала у окна и долго смотрела на поднимающееся солнце.

– Что же мне теперь делать, король? Где найти вас? Не ходить же мне по улицам с плакатом «ищу короля», – прижала ладонь к губам. – Доменик меня убьет, если узнает, что я о вас думаю... Он прав, я – лгунья. Я сама себе не могу многое объяснить, потому что ничего не понимаю, ничего...

Она пошла в спальню, легла, накрылась одеялом с головой в надежде, что сон вернется. А он не вернулся, потому что их встреча с королем сном не была. Она была перемещением в пространстве, соединением параллельных миров...

Франческа встала, посмотрела на свое отражение в зеркале, спросила:

– Ты знаешь, как попасть в его мир?

– Нет...

– И я не знаю, – отвернулась. – Он говорил: рука, река, клинок... – посмотрела на свои руки, улыбнулась. – Руки на месте, а всего остального нет. Нужно ли искать недостающие элементы? Не знаю... А вот Рене позвонить необходимо... – взяла телефон.

– Привет! Я только собралась тебе звонить, а трубка высветила твой номер! Мистическое совпадение, – затараторила Рене. – Слушай, Франческа, мне тут поручение одно дали, а я не успеваю. Поможешь?

– Поручение... – Франческа растерялась. Ей хотелось поговорить о своих переживаниях, но Рене сейчас не станет ее слушать. Она ее просто не услышит, потому что личные проблемы Рене затмят все, что беспокоит Франческу.

– Да-да, поручение, – не унималась Рене. – Блаффер велел подготовить доклад о творчестве Леонардо да Винчи. Ты же его любишь... Ты о нем часами можешь говорить. Спаси меня, дорогая... Доклад нужно сделать сегодня к вечеру...

– Сегодня? – воскликнула Франческа.

– Ну, можно завтра утром, – Рене превратилась в ласковую кошечку. – Понимаешь, я думала, что успею, а тут столько всего... Помогите мне, пожалуйста, милая Франческа... Я знаю, ты сможешь, ты – гений... Ты...

– Рене, я помогу тебе, но учти...

– Да-да, я знаю, это в последний раз, – выпалила Рене. – Я тебя обожаю. Письмо я тебе уже выслала. Проверь почту. Целую. Ой, постой, как ты?

– Прекрасно, как всегда, – ответила Франческа сухо. – Хорошего дня, Рене.

– Спасибо, и тебе...

Франческа швырнула телефон, включила компьютер, сказала раздраженно:

– Пора заканчивать эту бесконечную игру. Я постоянно сержусь на Рене, говорю, что не буду ей помогать, а сама... – покачала головой. – А сама делаю за нее множество проектов, которые отвлекают меня от грустных раздумий. И сегодня я должна сказать Рене спасибо за это поручение. Выполняя ее срочное задание, я отвлекусь от мыслей о короле...

Погрузившись в работу, Франческа поняла, что это задание она получила не случайно. Цепь совпадений превратилась в замысловатый узор Леонардо, сделанный на потолке в одном из залов дворца Сфорца в Милане, и крепко связала друг с другом великого художника и девушку из двадцать первого века.

Франческе захотелось написать не просто сухой доклад о гениальном художнике, как просила Рене, а историю жизни человека, который мог с помощью воображения и мастерства кисти придавать ясные очертания не существующему на самом деле. Делал видимым то, что спрятано в тени.

Она взяла лист бумаги, написала:

– Пророчества Леонардо на самом деле были загадками, а отгадки он прятал в названиях... Но, кто может с уверенностью сказать, что это так? Можно ли объяснить то, что происходило несколько веков назад? Наверно, нет, но приоткрыть завесу, все же, стоит... И начнем мы с того, что имя Франческо было ключевым в жизни Леонардо да Винчи.

Дядю Леонардо звали Франческо.

Людовико Сфорца, ставший покровителем Леонардо, поручил ему изваять конную статую своего отца Франческо – великого человека, основателя новой династии Сфорца.

Во Флоренции Леонардо жил в доме талантливого, но весьма эксцентричного молодого скульптора Франческо Рустичи, который держал не только собак, кошек, горностаю, но и дикобраза. Рустичи забавляло, когда тот колот гостей под столом своими иголками, и они кричали от боли. Рустичи постоянно шокировал знакомых тем, что придавал блюдам вид расчлененных трупов. Леонардо это веселило. В зверинце Франческо Рустичи он чувствовал себя прекрасно. Он не только наслаждался его обществом, но и помогал Рустичи в изготовлении деталей для группы бронзовых статуй «Святой Иоанн Креститель, фарисей и мытарь». Леонардо успокаивал и поддерживал Франческо Рустичи. Был единственным человеком, который присутствовал при отливке статуй.

Еще один Франческо – Франческо Мельци был его учеником, сыном и другом. Он оставался с Леонардо до самого

последнего дня, а потом стал хранителем его наследия.

Мадонна Лиза – Мона Лиза – третья жена Флорентийского купца Франческо ди Бартоломео деле Джокондо произвела на Леонардо такое сильное впечатление, что он даже отказался от выгодных предложений и три года работал над ее портретом...

И теперь она, Франческа Шелли, пишет о великом Леонардо да Винчи, пытается разгадать загадки Фауста, распутать замысловатый узор...

Франческа так увлеклась работой, что не заметила, как пролетел день, за ним ночь. На рассвете она отправила свое творение Рене и поняла, что Доменика до сих пор нет дома. Сердце екнуло. Что-то случилось... Она схватила телефон, набрала его номер. Он не ответил...

Франческа пошла в кухню, налила стакан воды, замерла, ослепленная фарами подъехавшей машины. Доменик вошел в дом, громко хлопнул дверью, набросился на нее с упреками:

– Что ты мне названиваешь? Я же предупредил, что задержусь...

– Я волновалась... – попыталась оправдаться она.

– Волновалась... – передразнил он ее. – Почему ты одета? Где ты была? Ну?

– Дома, – она поставила стакан на стол. – Рене попросила меня...

– Рене попросила меня... – он скривился. – Хватит. Мне

все ясно. Вы опять развлекались. Я зарабатываю деньги, а вы их тратите в ночных клубах.

– Доменик, о чем ты? – в ее голосе прозвучало отчаяние.

– О твоем аморальном поведении, – выкрикнул он. – Ты – замужняя женщина ведешь себя, как последняя... – он развернулся, пошел в ванну.

Франческа смахнула слезу, сказала с грустью:

– Да, я – последняя дура, потому что терплю все это, – выпила воду. – Ну и пусть, пусть. Зато я теперь знаю, что имя Франческо особенное, что оно связано с великим Леонардо... Мы с ним связаны общей загадкой...

– Свари мне кофе, – приказал Доменик.

– Слушаю и повинуюсь, мой господин...

Она принесла ему кофе в постель, молча выслушала все его упреки, завела будильник, погасила свет.

– На сегодня, все, – сказала она своему отражению в зеркале. – Завтра будет новый день. Верю, что он будет прекрасным...

Рене позвонила в полдень.

– Франческа дорогая, – это шедевр! – пропела она в свойственной ей манере. – Блаффер сражен наповал. Пришлось признаться, что это – твоих рук дело. Он желает тебя уви-

деть. Собирайся, приезжай...

– Нет, Рене, нет, – запротестовала Франческа.

– Прекрати, – в голосе Рене зазвучал металл. Она могла быть жесткой, когда этого требовалось. – Хватит жить в тени Доменика. Пора выходить на свет. Ты – умница, умница. Ты написала не доклад, а настоящий шедевр, который за просто может стать историческим романом, бестселлером! Блаффер со мной согласился.

– Как зовут твоего Блаффера? – спросила Франческа, чтобы отвлечь Рене от воинственных нападок.

– Себастьян... Но мы редко зовем его по имени, – голос Рене смягчился. Она улыбнулась. – Мы все зовем его...

– Постой, – перебила ее Франческа.

– Что случилось? – воскликнула Рене. – У тебя потек кран? Перегорела микроволновка? Убежал кофе? Отключили свет?

– Нет, нет, Рене... Просто я боюсь... Боюсь вашего Блаффера, – призналась Франческа.

– Вздор какой! – воскликнула та. – Ты ведешь себя, как глупая девчонка... Пора взрослеть, дорогая. К тому же, Блаффер, душка. Темноволосый хорошо сложенный тосканец... Все, как в твоём романе, – Рене рассмеялась. – Когда я читала, то подумала, что ты с нашим королем уже встречалась тайно, поэтому так достоверно все описала. Признавайся, подруга, встречалась?

– Нет, – ответила Франческа сдавленным голосом. На лбу

выступила испарина.

– Верю, верю... Ты – верная жена, – сказала Рене. – Через сколько приедешь?

– Через час, наверно, – ответила Франческа неуверенно.

– Прекрасно! – воскликнула Рене и отключилась.

Франческа приказала себе успокоиться, но не тут-то было.

Волнение скрутило ее так, что стало трудно дышать. Мысли устроили чехарду:

– Это – он, он, он... Это – твой король Дроздобород...

– Нет, нет, нет... Это не может быть правдой...

– Да, да, да... Сон станет былью...

– Нет, он не может стать былью, потому что король живет в другом веке...

– Откуда ты знаешь, что он – в другом? Может быть этот век твой, ваш...

– Хватит! – крикнула Франческа, зажав уши. – Хватит...

Звонок в дверь разом прервал все споры. Франческа пошла открывать. На пороге сияющая Рене.

– Привет! Я так и знала, что ты не одета, не причесана, не... – она чмокнула Франческу в щеку. – Ты – огородное пугало, милая. Да-да, ты выглядишь ужасно. Встреча с работодателем не повод для истерик. Блаффер хочет предложить тебе сотрудничество. Я сказала ему, что ты – бездельница, домохозяйка, сливающая свой талант, свою индивидуальность в раковину угождения мужу...

– Рене... Мы же договорились... – Франческа сложила

молитвенно руки. Но та была настроена воинственно.

– Хватит зависеть от эгоизма Доменика! – сказала она своим железным тоном. Франческа поняла, что возражать бесполезно. – Я же вижу, как ты страдаешь, как переживаешь и мучаешься. Ради чего? Пойми, я хочу тебе помочь, потому что люблю тебя и жалею. Собирайся. Надень мое любимое платье.

– Нет, Рене, оно слишком помпезное для деловой встречи.

– Сдаюсь, – Рене улыбнулась, подняла руки вверх. – Давай посмотрим, чем его заменить, – распахнула шкаф, скривилась. – Да тебе и надеть-то нечего. Все сплошное старье...

– Болтушка ты, Рене, – Франческа улыбнулась. – Я надену брюки и...

– Опять брюки, – Рене укоризненно покачала головой. – Ну, когда ты почувствуешь себя женщиной? У тебя красивая фигура, а ты ее прячешь. Зачем?

– Чтобы не подавать повода, ищущим повод, – ответила Франческа. – Мужчины всегда смотрят на нас с вожделением, поэтому их внимание к своей персоне привлекать без повода не нужно.

– Да, кто тебе вдолбил в голову такую чушь? – Рене развела руками. – Не отвечай, знаю, что этот гений – Доменик. Если он смотрит на всех с вожделением, то это его проблемы. Не стоит забывать, что вокруг нас полно нормальных людей, у которых в голове кроме секса есть и другие мысли. Эти господа оценивают женщин по-другому: они видят их

ум, их душу, умение держаться в обществе, быть выше низменных страстей. В тебе, моя милая, все это есть. Именно поэтому Доменик тебя и унижает. Ему нужно развить в тебе комплексы неполноценности, никчемности, вины за все, в чем ты не виновата. Разве не так?

– Так... – ответила Франческа со вздохом.

– Твой Доменик боится, что ты его затмишь своим интеллектом, и не понимает, что ты давным-давно это сделала. Причем сделала без малейших усилий. Ты – лучше, чище, умнее. И его это бесит. Он бесится, сходит с ума, а винит во всем тебя, – Рене разошлась не на шутку. Их взаимная с Домеником неприязнь вырвалась наружу, грозя перерасти в мировой конфликт.

– Хватит, хватит, Рене, – взмолилась Франческа. – Я сейчас расплачусь, и тогда уж точно никуда не поеду. Я не достойна того, чтобы меня возвышали до небес...

– Вот ты вся в этом, – фыркнула Рене. – Он – хороший, а ты – плохая. Он достоин всего, а ты – его тень, прислуга... Ладно закончим нашу дискуссию. Одевайся.

– Рене, ты знаешь, что Доменик называет меня лгуньей, – сказала Франческа растерянно. – Он ни за что не поверит, что меня пригласили на работу просто так. Он непременно будет искать в этом тайный смысл...

– Пусть ищет, – хмыкнула Рене. – Разгадывание шарад укрепляет мозг. Доменику это просто необходимо. А тебе необходимо очаровать Блаффера.

– Рене, прекрати, – на щеках Франчески вспыхнул румянец. Рене обняла ее.

– Ты такая милая, беззащитная в своем стремлении к идеалу, что невозможно не удивляться, как в наш безумный век ты не растратила себя. Объясни мне, как тебе удалось сохранить устаревшие понятия о чести, совести, целомудрии?

– У меня строгий учитель – Доменик, – ответила Франческа.

– Вздор! – Рене рассердилась. – Доменик здесь ни при чем. На его месте мог быть кто угодно, но при этом ты осталась бы сама собой. Секрет в тебе, дорогая. И ты это прекрасно знаешь. И я это знаю, и Доменик знает, поэтому и унижает тебя. А я тебя оберегаю. Правда, иногда я даю тебе глупые советы, которые ты, к счастью, не слушаешь. Но сегодня особенный день. И мой совет, вернее мое намерение устроить тебя на работу считаю правильным и своевременным. Вперед, моя милая лгунья!

Всю дорогу Рене о чем-то говорила, но Франческа ее не слушала. Она думала о короле, рисовала его образ и пыталась успокоиться, но это у нее не получалось. Все внутри было натянуто, как струна, готовая лопнуть в любой миг.

– Мы приехали! – сообщила Рене, остановив машину. – Король нас ждет. Идем.

Она взяла Франческу за руку, повела за собой. Распахнула дверь кабинета, громко сказала:

– А вот и мы, – пропустив Франческу вперед.

Та сделала шаг и замерла, уставившись на человека, поднявшегося из-за стола. К счастью это был вовсе не тот король Себастьян, который ей приснился. Это Франческу успокоило. Она даже смогла разглядеть его и поняла, что его милость сродни Ангелам Леонардо: курчавые волосы, тонкие черты лица, умный взгляд, загадочная улыбка.

– Добрый день! Я – Себастьян Блаффер, – протянув ей руку, проговорил он. – Рад, что вы согласились приехать. Присаживайтесь.

Он указал им с Рене на диван, сам сел напротив. Секретарь принесла кофе, сладости.

– У вас редкое имя – Франческа. Оно напоминает о блистательном веке Кватроченто, в котором жил наш гений Леонардо. Благодаря ему мы с вами встретились. Надеюсь, мы подружимся. Кстати, меня не покидает чувство, что мы с вами знакомы, – сказал он, глядя на нее.

Она пожала плечами. У нее такого чувства не было. В висках стучало:

– Не он, не он, не он... Сон, сон, сон...

– У меня хорошая память. Если я хоть раз видел человека, то непременно вспомню его. Непременно, – Блаффер улыбнулся.

Рене подала ему тайный знак. Он взял из вазочки конфету, протянул Франческе со словами:

– Я хочу сделать вам предложение. Давайте подпишем контракт партнерства. Вы станете нашим консультантом

по вопросам культуры и искусства. Вам будет предоставлена полная свобода. Вы сможете выполнять наши поручения не выходя из дома. А раз в квартал будете приезжать на конференции и встречи с партнерами. Ваш труд будет оплачен. Кроме того, мы берем на себя все транспортные расходы. Мы составили договор и готовы подкорректировать его по вашему желанию. Что скажете?

– Мне нужно подумать...

– Недели на раздумье вам хватит?

Франческа посмотрела на Рене. Та посчитала этот взгляд руководством к действию и принялась расписывать прекрасные перспективы, которые откроются перед Франческой, если та примет предложение Блаффера. А закончила она свою речь словами:

– Думаю, неделя – это слишком долгий срок для принятия решения. Через три дня Франческа даст нам ответ.

– Может, не стоит так торопить нашего партнера, Рене, – сказал Блаффер, глядя на растерянную Франческу.

– Себастьян, вы забыли, что доклад назначен на ближайший вторник, а сегодня уже среда, – парировала Рене. – Если Франческа будет думать три дня, то в понедельник она подпишет договор и подготовится к выступлению.

– К какому выступлению? – воскликнула Франческа. – Мы это не обсуждали. И я сразу должна предупредить, что ни за что не соглашусь ни на какое выступление. Поэтому, этот пункт даже не стоит обсуждать. Не втягивай меня в свои

авантюры, Рене. Достаточно того, что я сделала за тебя эту работу. Остальное – не мое дело.

– Глупо, – фыркнула Рене. – Очень, очень глупо, дорогая...

– Рене, мне кажется, Франческа права, – вступился за нее Блаффер. – Я сам могу прочесть на конференции «Загадки Фауста», которые подготовила для нас госпожа Франческа Шелли. А ее мы пригласим в качестве гостя. Надеюсь, вы приедете на конференцию.

– Куда она денется, – хмыкнула Рене. – Я сама прослежу за тем, чтобы госпожа Шелли никуда не улизнула, а заняла почетное место в директорской ложе.

Франческа знала, что Рене от своих слов не отступит. В ее сознании зародилось смутное предположение, что Себастьян и Рене, что-то задумали и дав ей задание, сделали ее своей сообщницей. Хотя есть вероятность, что помогая Рене, она помогает себе. И замысловатые узлы Леонардо связывают их все крепче и крепче.

Франческа посмотрела на часы. Блаффер улыбнулся, встал:

– Не смею вас больше задерживать, – протянул ей руку. – Рад нашему знакомству. Надеюсь, вы примете наше предложение. Рене, попросите Катерину передать госпоже Шелли договор. До свидания, – распахнул перед ними дверь.

– Если ты откажешься от этого предложения, я вычеркну тебя из списка подруг, – заявила Рене, когда они вышли

на улицу. – И не утруждай себя оправданиями, дорогая, потому что они не имеют смысла. Ты просто обязана изменить свою жизнь. Ты должна сделать этот шаг. Должна и точка!

– Если должна, сделаю, – Франческа улыбнулась. – Довезешь меня до дома?

– Довезу, если согласишься вечером пойти со мной, – Рене воткнула руки в боки.

– Не соглашусь, – сказала Франческа, передразнив ее. Обе рассмеялись.

– Ладно, садись, горяшко мое, – проговорила Рене с нежностью.

– Что вы скажете по поводу Франчески Шелли? – спросил Блаффер Катерину, которая выполняла обязанности секретаря и психолога по подбору кадров.

– Милая женщина, но слишком зажата, – ответила Катерина. – Мне показалось, что у нее множество комплексов, а главный – неуверенность в себе. Она всего боится, словно птенец, которому предстоит покинуть гнездо. Она шага не ступит без чужой помощи и подсказки. Если бы не Рене, она бы сюда ни за что не приехала. Скорее всего, она наше предложение отклонит. У таких особ всегда найдется миллион веских причин для отказа. А истина будет заключена в одном слове: «неуверенность».

– Вы вынесли нашей бедняжке смертный приговор, Катерина, – Блаффер покачал головой.

– Не утрируйте, Себастьян, – сказала Катерина строго. – Я нарисовала вам ее портрет. Но, у нашей бедняжки, как вы ее назвали, есть скрытый потенциал, который она ловко прячет за своей неуверенностью. Вы видели ее глаза?

– Да, – он улыбнулся. – Если говорить языком великого художника, то в ее взгляде сквозит утонченная туманность – сфуманто, в которой можно заблудиться.

– Надеюсь, это с вами случится не скоро, – проговорила Катерина, пристально глядя на него. Покачала головой. – Хотя, я вижу...

– Вы правы, Катерина, это уже произошло, – он рассмеялся. – Она мне понравилась.

– Она – замужняя дама, Себастьян, – напомнила Катерина.

– Думаю, нашей совместной работе это не помешает, – парировал он.

– Боюсь, что именно этот факт станет главной причиной ее отказа, – сказала Катерина.

– Откуда такая уверенность? – в голосе удивление.

– Рене сказала, что госпожа Шелли полностью зависит от своего мужа, подчиняется ему во всем, – объяснила Катерина.

– Вот как, – Блаффер покачал головой. – А меня Рене уверила в том, что никаких проблем у нас не будет. Она все берет в свои руки и все уладит с легкостью.

– Возможно, так и будет, – Катерина усмехнулась. – Рене

дама особенная, темпераментная. Пусть действует. Посмотрим, чем закончится этот поединок.

– Посмотрим. У нас есть время и куча проектов, которые нужно завершить, – сказал Блаффер.

Он закрылся в кабинете, углубился в материал, который Франческа назвала «Загадки Фауста».

«Человек – это слепок мира. Он всегда испытывает влечение с веселым любопытством встретить новую весну, новое лето и вообще много месяцев и годов, – но даже если время, по которому он так тоскует, когда-нибудь наступает, ему всегда будет казаться, что уже слишком поздно. Он не заметил, что его влечение содержит внутри себя зародыш его собственной смерти...» – так написал тот, кого называют итальянским Фаустом, исследователем загадочных явлений, создателем рук, указующих в вечность, и тревожащих воображение улыбок, за которыми кроется непознаваемая глубина.

Жизнь этого человека была окружена ореолом таинственности. Загадки начались с самого рождения. Он появился на свет 15 апреля 1452 года в одном из грязно-желтых каменных домов городка Винчи, расположенного в горах Тосканы. Его нарекли именем Леонардо. Он был незаконнорожденным сыном молодой крестьянки Катерины и нотариуса сеньора Пьеро да Винчи, которому в ту пору было двадцать пять лет.

Леонардо был признан отцом, крещен в его присутствии и отправлен вместе с матерью в деревню Анхиано неподале-

ку от Винчи. Но через четыре года Пьеро решил забрать сына у Катерины, потому что его молодая жена оказалась бесплодной. Леонардо поселили в городском доме, окружили заботой и любовью.

Винчи – одно из прекраснейших мест Италии, над которым не властно время. Оно замирает на склонах горы Монте Альбано, стекает в долину Арно, к подножью Флоренции, а потом поднимается вверх к таинственным скалам, где среди мшистых уступов прячутся пещеры и пробиваются из-под земли родники. Вдоль дорог стоят старые оливы с кронами похожими на перевернутые бокалы. Повсюду цветет миндаль, темнеют кипарисы. Воздух настолько чист и прозрачен, что с вершины горы можно увидеть Средиземное море, до которого всего пять километров.

Не эта ли красота и загадочность легла в основу будущих картин Леонардо? Не она ли стала таинственным фоном позади его Мадонн и Моны Лизы? Не этой ли прозрачности и размытости воздуха он добивался, создавая свою туманность, свое сфуманто?

Как все тосканцы Леонардо был высок, темноволос, хорош собой. Он божественно импровизировал на лире, прекрасно пел. Его умение вести беседу завораживало. Блистательный, многосторонний, мужественный, грациозный, ловкий, смелый, выносливый. Он обладал недюжинной силой: правой рукой мог легко согнуть и разогнуть подкову. А левой рукой писал свои загадочные перевернутые послания,

которые можно было прочесть в зеркальном отображении.

Ему нравились розыгрыши и затеи, с которыми он не расставался всю жизнь. Развлекая других, он прятал за маской веселья свое лицо, свою душу, свое королевское величие, свое стремление к постижению загадок Вселенной. К одной из карнавальных масок он прикрепил зашифрованную записку: «Если ты дорожишь своей свободой, не открывай, что мое лицо – это только маска для любви». Свобода всегда была для него главной. Не в ней ли кроется секрет его одиночества?

«Если ты одинок, ты полностью принадлежишь самому себе. Если рядом с тобой находится один человек, ты принадлежишь себе только наполовину или даже меньше, в пропорции к бездумности его поведения; и уж если рядом с тобой больше одного человека, то ты погружаешься в плачевное состояние все глубже и глубже», – писал он.

Леонардо всегда был неудержим в своем стремлении к знаниям. Он шел прямо к цели, не боялся спрашивать о том, что его интересует, был прямолинейным в своих суждениях и считал, что художник кроме мастерства должен обладать познаниями в геометрии, оптике и перспективе, должен понимать тайны человеческого тела, потому что движения тела отражают движения души. А пропорции, которые существуют во Вселенной, выражают замысел Бога, сотворившего этот мир.

Пропорции были для Леонардо основополагающими

не только в исчислениях и измерениях, но и в звуках, и в любом месте, где их можно встретить. В своих картинах он не ограничивался только цветом и контуром, а всегда стремился к трёхмерности и пластичности. Он писал:

«Картина впечатляет только тогда, когда кажется, что то, что на самом деле не реально, может отделиться от фона. Яркие краски существуют лишь для того, чтобы возносить хвалу человеку, который их prepares. Ибо ничто, связанное с ними, за исключением их красоты, не может приводить к восхищению. Что-то может быть нарисовано отвратительными красками, но вызовет восхищение своей пластичностью».

Не здесь ли скрыта разгадка его рисунков, сделанных с тончайшим мастерством серебряным карандашом на тонированной бумаге разных цветов; от бледно-зеленого до розовато-коричневого, голубого, пурпурного, оранжевого?

Его любимыми инструментами были перо и чернильница, которые позволяли ему переходить от рисования к написанию комментариев. Некоторые рисунки он делал красным мелком – сангиной и был первым мастером в этой технике. Бернард Бернс называл рисунки Леонардо чудесной алхимией, соединяющей земное и небесное. Рассматривая любой его эскиз, видишь, как простым утолщением линии передается изгиб человеческого тела.

Не здесь ли скрыто прозрение Леонардо о том, что все познания о мире, о человеке, о вселенной, могут быть выраже-

ны всего лишь в изгибе вопросительного знака!!!

«Скажи мне, сделано тобою что-нибудь, хоть что-нибудь? Сделано ли? Скажи мне, сделано ли?» – спрашивал он себя и предупреждал о том, что не следует желать невозможно-го...

В то время Европа напоминала антикварный чердак, набитый рухлядью, тысячи людей, живущих рядом, считали, что Земля плоская и покоится она на трех китах, что возле Экватора вода кипит, что ад находится под землей, рай в небесах, а неисследованные части света населены уродливыми карликами и чудовищами.

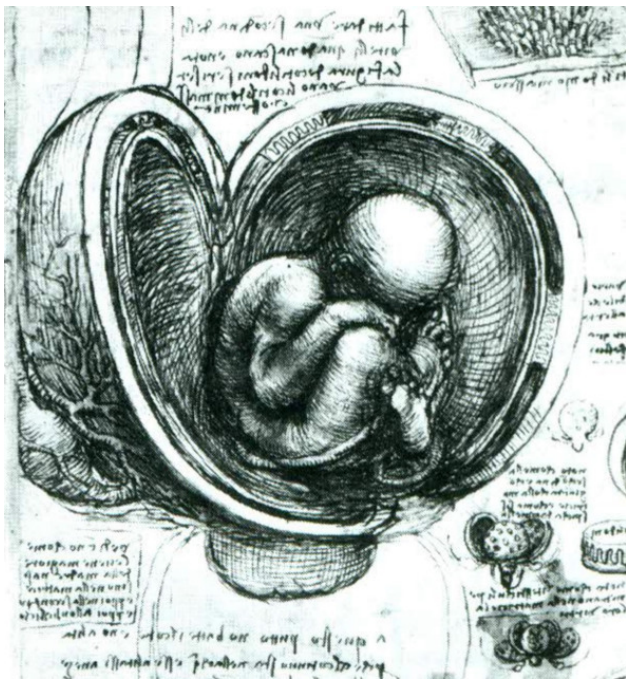
Леонардо был думающим человеком. Он не сомневался в том, что планета Земля имеет сферическую форму. Был уверен в том, что материя состоит из четырех элементов: земли, воздуха, огня и воды, а гармония и пропорции определяется числами.

Ему нравилась идея Платона о том, что между человеком и Вселенной существует связь. «Вселенная – макрокосмос, – гигантский живой организм, а человек – микрокосмос, вселенная в миниатюре. Человек состоит из земли, воздуха, воды и огня. Тело земли ему подобно. У человека внутри кости для удержания плоти. У Вселенной – камни, которые поддерживают Землю.

У человека внутри вместилище крови и легкие, которыми он дышит. Тело Земли имеет океан, который поднимается и опускается каждые шесть часов вместе с дыханием Все-

ленной.

Из человеческогоместилища крови отходят вены, ветви, которые охватывают все тело.

Так и океан наполняет тело Земли через бесконечное количество водяных вен».

Именно поэтому Леонардо с особым усердием наблюдал за явлениями, происходящими в мире. Он считал глаз гос-

подином астрономии. В своем «Трактате о живописи» он записан наставление для молодых художников:

Внимательно наблюдай.

Несколько раз проверь результаты наблюдений.

Не стоит слишком субъективно смотреть на мир, иначе придется рисовать только свою персону и любоваться ею, как Нарцисс.

Зарисуй предметы и явления так, чтобы они были увидены всеми и понятны с помощью коротких сопроводительных пояснений...

Все то, что рисовал сам Леонардо, было ясно и убедительно. Его рисунки стали наглядным материалом для преподавания биологии, механики, астрономии, медицины и других наук.

Леонардо был уверен, что Земля вращается вокруг Солнца. Что в масштабах Вселенной она мала, а маленькие далекие звезды могут быть гораздо больше Земли. Ведь на расстоянии ярко освещенный предмет кажется больше того, который освещен слабо.

Он был знаком с устройством линз и очками. В старости он сам изготавливал их, чтобы лучше видеть. «Тот, кто теряет зрение, становится похож на заживо погребенного, который все еще двигается и дышит в своей могиле», – писал он.

Особый интерес ко всему, что можно увидеть, не ослабевал у Леонардо до последних дней жизни. Он знал, что зрительные образы на роговице глаза проецируются в перевер-

нутом виде, и проверил это с помощью камеры – обскуры. Оптические иллюзии его завораживали. В изучении оптики он обогнал своих современников.

Он всерьез увлекался геологией. И пришел к выводу, что места, где есть окаменелости, когда-то были дном мирового океана. «О Время, быстрый разрушитель всего сотворенного! Скольких королей, скольких людей ты свергло!» – восклицал он, разглядывая окаменелости рыб и животных, найденные в горах Италии. «Как много с тех пор изменилось. Чудесная рыба, укрывшаяся в тайнике, умерла. И, поверженная Временем, лежит теперь в пустоте с оголенными костями, окаменевшая в основании горы, которая над ней возвышается».

Горы Леонардо завораживали. Рисуя их, он высветлял основания и затемнял вершины, экспериментировал с цветом, чтобы передать реальную высоту.

Он верил, что живопись подчинена таким же законам, как и математика, и наставлял учеников:

«Когда ты собираешься рисовать с натуры, отойди от объекта, который ты хочешь рисовать, на расстояние в три раза превышающее размер объекта. Каждый объект имеет свойство усиливать цвет, противоположный его собственному, как это бывает с белой стеной... Тени, отбрасываемые деревьями, над которыми сияет солнце, столь же темны, как и те, что кроются в центре дерева. Солнце кажется больше в движущейся воде или когда поверхность воды покрыта волнами,

чем в воде спокойной».

Вода – еще одна стихия, которая привлекала Леонардо. Всю жизнь он любовался ее движением. Невооруженным глазом он уловил и зарисовал завихрения воды, которые увидели современные ученые при помощи замедленной съемки. В конце жизни он заявил, что буйство воды покончит с миром, и сделал устрашающие рисунки потопа с пояснением: «Бушующие воды обрушиваются на содрогающийся от ужаса мир. Сумрачный воздух движим стремительным натиском ветров, прорезан нескончаемым дождем и градом. Вокруг огромные вывороченные деревья, превращаются в щепки неистовством ветра. Горы падают вниз на дно долин и образуют там барьер для воды. А вода все равно прорывается, вздымаясь громадными волами».

Через сложные движения воды и закрученные формы он показал насколько ничтожны орудия человека перед силами природы. «Наводнения опередят все другие разрушительные ужасы. Причиной их станут вышедшие из берегов реки» – пророчествовал он.

Его считали волшебником. Его предсказаниям верили. Его побаивались, перед ним благоговели. Никто из самых блистательных и одаренных современников Леонардо не мог

с ним соперничать. Его нехудожественные увлечения кажутся невероятными: анатомия, биология, картография, геология, авиация, оптика, механика, гидравлика, акустика, строительство, архитектура, конструирование оружия, планирование городов...

Он не стал величайшим гением науки лишь потому, что был ученым по призванию, склонным к отшельничеству. Он предпочитал оставаться в одиночестве, вступал только в те отношения с миром, которые считал необходимыми. Все свои записи и рисунки он никогда не афишировал, не забываясь о том, что достижения научного ума оцениваются по практическим результатам. Он был убежден, что человеческая искусность никогда не создаст предмета более прекрасного, простого и правильного, чем создает природа, потому что в ее изобретениях нет ничего лишнего, ничего недостающего. Леонардо мечтал о воплощении своих идей в жизнь, но ничего для этого не сделал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.